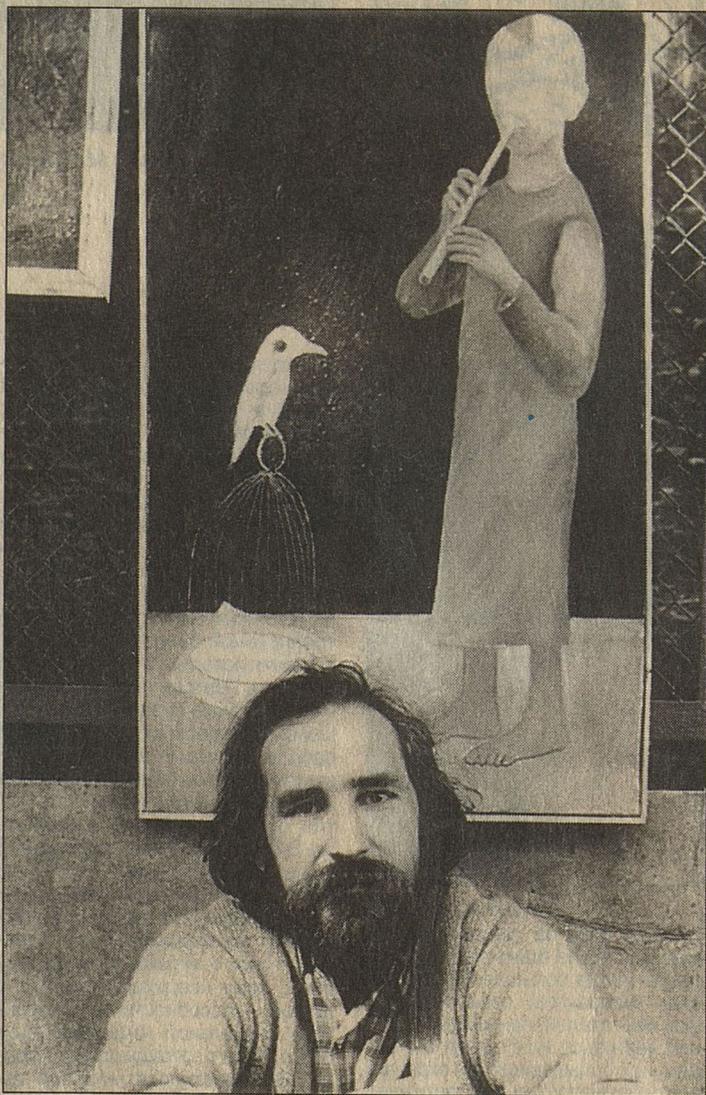

20. 4. 2000.

Культура. 2000. -
20-26 апр. - с. 7

Час флейты

Выставка работ Виктора Лысакова

В.Лысаков на фоне "Флейтиста"

Фото Д.ЛЕЙСАКОВА

Флейтист играл что-то нежное и тревожное. Он стоял на фоне картин, как солист перед оркестром. Казалось, мелодия звучит в каждом из этих полотен. То был час флейты, объявленный художником, который и позвал музыканта. То был "Час Флейты" – выставка художника Виктора Лысакова в галерее "M'arc".

Художник вспоминал своего первого "Флейтиста" – давнишнюю картину, которую, написав, привез в Киев, чтобы показать друзьям. С тех пор его флейтисты "играют" в частных коллекциях Киева, Москвы, Парижа, Колонгагена...

Что касается меня, то я услышал звук флейты в тот день, когда встретил "Осеннего кота". Интересно, откуда эдакий чудный кот: черный и синеглазый, дикий и домашний, суровый и нежный... Оказывается, Лысаков его "нагулял". Это было давно. Лысаков тогда любил уезжать, бродить по лесам и степям. Однажды, вернувшись, написал Кота. Быть может, это был автопортрет? Подобный другим, из той же серии – "Бродячий Бык", "Белая Лошадь на зеленом лугу". Порой сам себе казался одиноким

псом. Не в смысле без дома, без семьи, были уже и нежная Лена, и маленький Костя. Но был и сам – инженер, работавший в "ящике", защищавший в Институте стали и сплавов "железную" диссертацию, который чувствовал себя отверженным среди художников. Ибо пришел в искусство по другой дороге.

Отец Виктора, офицер, возил жену и детей за собой по воинским гарнизонам. Венцом художественного воспитания были цветные иллюстрации "Огонька". Да еще в одном гарнизоне солдат-художник вел изокружок. Окончив школу, поехал в Москву. Ему было все равно, куда поступать, только не в художественный: тут, он считал, у него нет шансов. Но поехал именно в Москву – в Третьяковку и Пушкинский. Учась в техническом вузе, сотни раз обошел эти музейные залы. Случай свел с пожилым художником Марецким. Борис Аронович был не из грандов, к тому же суровым соцреалистом, но со святым отношением к искусству. Вел изостудию, названную им "Правдой", где обучал технике живописи неприкаянных любителей. Лысаков

стал к нему ходить: научился краски раскладывать, кисти обжигать, работать маслом, писать, не глядя в палитру...

Я вспоминаю внешне наивную, но щемящую душу картину "Розовый забор", ныне живущую в коллекции датского журналиста Поля Хансена. Мне кажется, в ней таилась острая ностальгия по той прежней жизни, в которой встречалось немало подобных Марецкому, абсолютно незащищенных, но порядочных и чутких людей.

От Марецкого Лысаков ушел, как уходят из отчего дома. Ушел в подвалы художников, где жили бок о бок труд и божество. Днем все еще работал в "ящике", а к ночи, когда мастерские пустели, садился за мольберт. Тогда же решил наконец уйти в искусство со всеми потрохами. И стал совершенно свободным – без средств, без имени, без мастерской. Но спустя всего год его работы отправились в Европу.

В это время он написал "Карнавал" – картину, где, обнаружив дар предвидения, еще в 1986 году предсказал ожидавший всех нас "театр абсурда". А затем явился символический "Карлик", в котором зазвучал явственный голос флейты – лейтмотив прошлых, настоящих и будущих картин Лысакова. Поэт Валерий Карунин сказал про "Карлика": "Это схватка красоты с уродством". И был метафорически точен. Ибо схватка с уродством шла уже на каждом шагу.

Вскоре во Дворце молодежи готовилась грандиозная выставка молодых художников. Лысаков принес туда свои работы. Получив отказ (мол, работы "странные"), самовольно развесил свои картины. Их сняли. Он снова повесил. И так до тех пор, пока организаторы не сдались перед упорством художника.

У этой выставки, вошедшей в историю искусства как "Лабиринт", был поистине детективный сюжет. Неожиданно приехал Нольте, владелец аукционных домов в Гамбурге и Нью-Йорке. Предложил: все, что ему понравится в "Лабиринте", отправится за его счет в Европу. Отбирал весьма своеобразно: лучшее (с точки зрения устроителей) забраловал. "Сомнительное" одобрил. Лысаковский "Пир" привлек его особое внимание, и Нольте решил: "У этого парня надо бы взять еще кое-что". Взял "Поводыря", "Дирижера", "Флейтово воскресенье", "Ночной разговор", "Джокера".

Картины имели успех. А "Пир" превзошел все ожидания: был куплен за 30000 немецких марок. Его автор получил международный рейтинг: вошел во всемирный справочник "Акун", издающийся в Париже. После чего картины Лысакова отправились в австрийский Грац на выставку "Русская душа".

Сюда съехались десятки знатоков искусства. Приехал и Йорген Вайхерт, признанный специалист по искусству Восточной Европы. Он готовил проект фестиваля "Ис-

кусство Европы", который должен был пройти в 60 городах Старого света. При отборе участников фестиваля назвал Виктора Лысакова одним из самых интересных европейских художников.

Что же так привлекло Вайхерта? Наверное, то же, о чем спустя несколько лет скажет на выставке Лысакова в галерее "M'arc" легендарный Василий Пушкарев, бывший многолетний директор Русского музея: "Не каждому из нас дано ощутить время, в которое мы живем. А Лысаков сейчас его понял".

Я подумал: трудно, должно быть, тому, кто понял этот мир. Мир, из которого уходит гармония. – Скажи, твой "Пир" – во время чумы?

– Я тебе расскажу, как я его написал. Ехал в старом вагоне метро, помнишь эти вагоны с обивкой ядовито-желтого цвета? И вдруг почувствовал, что этот цвет пронизывает, давит меня. Возникло ощущение: что-то случилось или вот-вот произойдет. В тот же день сел за "Пир" – на столе голые тарелки, за спинами "едоков" – желтое пространство с черным зрачком солнца.

Кажется, перед этим Лысаков написал и свою "Фею": в зыбком неверном свете фонаря – существо в вечернем платье, с сумочкой, зажатой в руках. Босиком.

Вглядываясь в нашу жизнь, художник обнаружил мир, в котором люди живут на грани абсурда, где даже волшебники сбиваются с пути. Но вот парадокс: как ни мрачна и ни нелепа эта жизнь, в ней мерцает надежда. "Странны" персонажи Лысакова, но у них есть душа, а в душе этой еще живут и любовь, и верность, и преданность. Да, многие из них "потерялись", но упорно, днем и ночью, из последних сил ищут выход.

Как-то я побывал на своеобразном рауте людей разных профессий и характеров, из разных городов и стран, объединенных страстью к искусству и, в частности, к своему избраннику. Каждый из них привез или принес с собой своего Лысакова. Меня привлекла картина из коллекции московского врача Нины Морозовой – "Натюрморт со стаканом воды и лувовицей".

– Ты веришь в Бога? – К сожалению, нет. И подчас завидую тем, кто верит. Один из этих людей – мой сын. Учится в международной теологической школе миссионеров под Лос-Анджелесом. Я рад, что он будет священником.

От Кости из Америки электронной почтой каждый день приходят домой письма. Веселые и деловые, они полны здорового оптимизма.

Отец и сын. Невольно сравниваю их: художника, в картинах которого звучит голос флейты, и будущего миссионера, который, наверное, еще в детстве понял, что этот звук должен дойти до людей.

Леонид ЛЕРНЕР

Лысаков Виктор